Удар Кирицугу, даже не усиленный, выбил дух из не успевшего увернуться Широ, отправляя парня в непродолжительный полет. Судорожно вдохнув, обладатель единственной доступной, но достаточно проводимой цепи, заставил себя подняться на ноги и начать осматриваться. Но старшего Эмии и след простыл.

«Слева!» — стрельнула мысль в рыжей голове. Парень быстро, насколько могло его тело, поднял руку в блоке, защищая внутренние органы и пытаясь уменьшить будущий урон.

И мир закружился.

— Обман противника — твоя основная цель. — хрипло выдохнув, начал просвещать болезненно скрючившегося сына убийца, зная, что с тем все будет хорошо через минуту другую. Усиленный финальный удар был нанесен со спины появившимся буквально из-под земли брюнетом. — Мы это уже с тобой проходили. — его брови сошлись на переносице в хмуром выражении. — А теперь скажи — в чем была твоя ошибка.

— Ожидая неожиданности, не был готов к самому простому ходу. — сплюнув кровь, поднялся на ноги парень. Болевой порог и без того находящийся в недосягаемых простым людям высотах поднялся пусть на немного, но выше. — Как ты умудрился сломать мне ребра ударом под таким углом?

Рваный вдох сопровождал выходящие из легкого и встающие на свое место ребра, заглушая и без того едва слышимый влажный хруст.

— Сместил носок после удара, нанеся сразу два в короткий отрезок времени. — маг положил руку на плечо сына в жесте поддержки.

— Ох уж эта магия усиления. — размялся после окончания восстановления Авалоном организма Широ. Хотя сказать хотел отнюдь не это. Но сквернословить при отце опасался. И не зря.

Хмыкнув, поняв, какие именно комментарии крутятся в голове у сына, Эмия-старший легонько подтолкнул того к особняку. Журить за мысли он не собирался, помня, какие именно выражения были у него самого на языке, во время обучения боевым искусствам.

Дойти до кухни, где их уже ожидал разогретый свободной после последнего осмотра пострадавшей девочки ужин, им молча не удалось. Убийца вновь взял слово.

— Этот… воспитательный спарринг помог тебе понять, что ты хочешь делать дальше?

Рыжик задумался, понимая, на что намекал родитель.

— Я… — перед глазами предстали картины прошлого, детали которого услужливо дополняли сны. А сны ли? — Я просто не могу оставить сейчас все как есть… Зная, что могу помочь…

Сотни, если не тысячи тел сплавленных воедино странной, но такой знакомой магией извивались в вечной агонии. Женщины с вздутыми до чрезмерно огромных, гротескных размеров животами стенали, мычали с застывшей навеки гримасой нестерпимой агонии.

— Все идет согласно планам. — по правую руку от него тепло улыбался, смотря на ужасную картину незнакомый, но ощущающийся родным мужчина. — Наши прогнозы оказались чудесно правдивы. — его лицо с пылающими зеленым светом глазами обернулись к нему. — И в том именно ваша заслуга. Ведь если бы не ваши своевременные действия в столице, то

пропажу такого количества людей Клинки Императора заметили бы слишком рано. — рука мужчины легла на плечо и легонько то сжало. — Меня попросили передать вам благодарность от всего нашего народа, смиренно ожидающего добрых вестей за гранью.

Он ничего не ответил, смотря немигающим взором на девочку лет семнадцати, впаянную в мясную гору и не сводящую с него ненавидящего взгляда. Нечто внутри него кричало в ужасе, билось в припадке, ударяя в стенки черепа, вызывая легкую мигрень, которую можно просто игнорировать. Часть него с восхищением наблюдала за тем, как в её животе зарождалась жизнь, да искаженная, непривычная этому миру, но жизнь. В самом полном понимании этого слова.

Другая же, словно в исступлении пыталась сжать кулаки, вынуть находящийся в ножнах и пылающий эфирной энергией меч и оборвать страдания девочки, возможно даже не успевшей увидеть мир за пределами родного городишки или деревни. Оборвать жизни всех тысяч терзаемых женщин, используемых в гнусных целях. Взвалить на себя этот непомерный грех, но вернуть покой их душам.

Рука потянулась к клинку, удивляя как его, так и стоящего рядом мужчину, удивление которого сменилось гневом в один миг.

— Почему он ещё здесь?! — брызжа слюной, схватил его плечо неизвестный. — Полторы сотни лет! И сосуд до сих пор не твой!

— В отличие от твоего, — лицо скривилось, стоило ему взять себя в руки и вернуть контроль. — Мой сосуд пусть и не являл собой эталон добродетели и обладал пороками достойными своей семьи, но воля его, даже после захвата была и будет слишком крепка. — он сбросил с плеча руку собеседника. — Не забывайся, Марцелл, ты все еще был и до сих пор являешься моим подчиненным. Не смей меня учить! — гнев затопил его разум. Удар по лицу Теодина был сокрушителен и раскроил щеку усиленной стальными шипами перчаткой.

Мужчина упал на спину, принимая сыплющиеся градом удары ног и рук.

— Ты слишком сросся с сосудом! — сквозь удары пытался достучаться до него Марцелл. — Смени его или подави, пока не стало поздно! Ты ставишь под удар всю операцию!

— Я контролирую это тело! Я подавляю его владельца! И я единственный здесь, кто в здравом уме и делает все, чтобы наш народ вернулся домой! — последний удар раскроил череп, выплескивая содержимое на покрытый плотью пол. — И ни тебе, ни кому из Авангарда я не позволю себя судить!

Эфир заструился по его телу и душе, проникая в тело живущего вопреки всему Теодина, заставляя плоть его сосуда возвращать прежний вид, повинуясь чуждой воле.

Он не мог понять, кому принадлежал этот гнев. Почему обе его части были солидарны в желании уничтожить наглого монстра, убившего тысячи человеческих жизней… и посмевшего возразить и ткнуть его в собственную несостоятельность…

Обе его части ненавидели друг друга, но сошлись во мнении, что Марцелл должен быть наказан.

Бросив поднятого за грудки Теодина, он подошел к агонизирующей девчонке, чей живот был на последней стадии беременности.

Он хотел облегчить ее участь, всего-то нужно было пронзить мозг клинком и освободить душу от страданий. И он же не желал этого, осознавая, что потеря даже одной особи недопустима.

Мысли путались. Он припал на колено, схватившись за голову в приступе очередной вспышки боли. Их за прошедшие декады лет было предостаточно.

Должен помочь…

План превыше всего…

Попытаться искупить грехи спасением хотя бы одной жизни…

Желание вернуть Дом было на первом месте…

Он путался, пытался понять, какие из этих мыслей принадлежали ему. Но едва мог отделить их друг от друга.

Рука легко вытащила клинок. Магическая сталь, пропитанная губительной энергией, легко пробила тонкие стенки черепа, отправляя душу семнадцатилетней девочки к её предкам. Семья, любящая друг друга, возможно, только возможно, не пережившая атаку на родной дом, наконец, воссоединилась, пусть и в ином измерении.

В конце концов, потеря одной особи не так значительна. И он мог поддаться этому сиюминутному порыву. Клинок, все еще багровый от крови и гноя, вернулся в ножны. Теоден, наблюдающий за этим тихо рычал, проклиная все и вся: собрата поддавшегося человеческой плоти и ее желаниям, сосуд, до сих пор вмещающий чужую волю и себя, неспособного хоть как-то на это повлиять.

— Возвращайся к работе, Скульптор. — бросил он не оборачиваясь, идя к выходу их подземных лабораторий, слушая и упиваясь стенаниями людей. — И помни, я слежу за тобой.

Непрозрачная угроза была усвоена Марцеллом быстро и без проблем. Теоден понимал разницу в их положении и силе, и знал, что должен делать свою работу… по крайней мере пока его собрат не потеряется окончательно и бесповоротно в человеческом естестве.

— Широ? — потряс сына Кирицугу, когда тот слишком сильно погрузился в мысли, смотря в собственное отражение в ванной. — Ты слишком долго… Все в порядке?

— Да. — рассеяно кивнул парень, переведя расфокусированный взор на родителя, смотря на отражение того в зеркале. — Просто устал. — вымученная улыбка и тон пробежавшего сотню километром марафонца не смог скрыть откровенную ложь.

Кирицугу прикусил щеку, никак не выдавая своего разочарования. Его ребенок все реже стал рассказывать о том, что происходит во снах, какие ужасы ему приходиться видеть собственными глазами, какие чудовищные картины рисует его прошлое. Ему хотелось сесть вместе с ним лицом к лицу и поговорить, как равным. Вызнать, что тревожит душу сына, помочь или, по крайней мере, смягчить наносимый разуму урон.

Но последняя такая попытка закончилась, так и не начавшись. Широ наотрез отказывался что-либо рассказывать, давая в ответ лишь насквозь фальшивую улыбку и заверение в том, что все в порядке.

Надави маг, и все разрушится. Он мог представить, как рано повзрослевший и слишком

очерствевший для ребенка Широ воспринимает попытку настоять в штыки. Злится.

И это резало не хуже ножа, доставляло боль не меньшую, чем порча… не меньше, чем груз осознания неизбежности изменения личности, погибающей под грузом «прошлого».

Ни он, ни Токо и тем более Шики не могли изменить этого. Не могли заставить его говорить и открыть душу, все сильнее закрывающуюся коконом лицемерия. Даже если это лицемерие и было направленно во благо.

— Поужинай и приляг. Тебе нужен отдых. — выдохнув и прикрыв глаза, качнул в непонятную сторону головой маг. — Мато все еще спит и неизвестно когда очнётся.

— Отец… — отвернулся от собственного бледного отражения Широ, взглянув Кирицугу в глаза. — Что… Что ты… что мы будем делать с Зокеном? — все в особняке понимали, что старик не оставит ребенка, в которого вложено столько сил и ресурсов. И чудом было то, что он не явился ни на следующий день или в ночь пропажи, ни даже спустя три.

Что-то его отвело? Или Червь уже нашел живущих нелегально в Фуюки магов, окружив поместье своими фамильярами-шпионами, наблюдая за округой и выжидая. Что-что, но терпения и хитрости у многовекового Мато было хоть отбавляй. И это заставляло Широ нервничать, а Аозаки с Эмией строить теории о возможных последствиях и готовиться к конфронтации, которая обязана случиться.

— Не беспокойся, — отмахнулся от вопроса убийца. — Ты ничем не сможешь помочь, кроме как быть рядом с Сакурой, когда она очнётся. Тебе нужно поговорить с ней и объясниться.

— Но…

— И проследить, чтобы она не выкинула то, о чем мы все потом пожалеем. — резко прервал сына маг. — Поверь, меня и Токо хватит на одного Зокена.

— Ладно. — понурил голову Широ, взлохматив влажные после душа волосы. — Я… я попытаюсь сделать так, чтобы она не убежала. Поговорю. И… — он вздохнул, собираясь с силами. — Она же будет жить с нами?

— Вероятно? — брови Эмии поползли вверх. — Будет ошибкой отдавать ее в детский дом, ведь потенциал девочки как мага велик.

— Ты хочешь, чтобы она росла вместе со мной? Обучить магии и сделать… — Широ сглотнул. — Сделать её… — он не мог выговорить это слово. Оно не могло протиснуться меж губ, как бы он не старался.

— Мы её воспитаем. Сделаем другом и товарищем. Верным…

— Только нам. — закончил за него рыжик.

Он испытывал противоречивые чувства, слыша это. В нем боролись две разные стороны, одна испытывала к этому замыслу ощутимое недовольство, другая — симпатизировала, осознавая все плюсы и минусы. Они сделают то же, что делал Зокен, но без «червей» и мерзкой магии, без слома личности, используя сострадание, любовь, заботу и доброту. Сакура, не вкусившая нормальной жизни, схватится за них, как за спасительную соломинку, привязываясь к ним, к Широ. И когда Кирицугу умрет, а Токо, закончив обучение и отдав долг сполна уйдет, то парень не будет один. Возможно, Шики и будет его навещать, пусть и не так часто, как делает

это Тайга, от которой все магическое прячут в укромные углы, это не будет приносить облегчения. Да и Тайга… Непоседливая девчонка пусть и считала себя старшей сестрой Широ, но не сможет заменить семью. Не после того, как поступит в университет, уехав на учебу в Токио, приезжая так же редко, как Рёги.

Сакура была идеальным вариантом, несущим на хвосте ворох проблем, но ни одна из них не была нерешаема.

Широ было и противно от подобного, лживого и лицемерного подхода, но… Но что в этом плохого, если этим низким поступком, они могут излечить ее разум и душу, помочь вырасти тем человеком, которым она сама захочет быть?

— Я понимаю. — кивнул сын отцу, слабо улыбнувшись.

— Рад, что ты все осознаешь. — отзеркалил выражение лица Широ Кирицугу, слегка сжав плечо рыжика. — Пойдем, а-то боюсь Токо потом нас самих съест, если мы опоздаем и твоя еда остынет.

Идя по коридору на кухню, парень не мог не задуматься, не совершает ли он, все они, ошибки.

***

Сознание юной уже больше Мато, чем Тосака, возвращалось медленно. Веки, тяжелые и не желающие двигаться, дрожали от явных усилий, но открыть глаза пробивающемуся сквозь шторы алому закату не давали.

Тело, так же налитое свинцом, не могло даже вздрогнуть от неожиданности, когда в голову клином вбились тихие звуки открывшейся двери и последующих шагов.

Почему она потеряла сознание? Где лежит и что вообще происходит? Все эти вопросы были лишь малой частью роящихся в черепе мыслей, заставляющих все еще слабое тело реагировать на излишнюю мыслительную деятельность.

Неожиданно, вошедший приподнял ее голову, поднося к губам холодное и влажное стекло.

— Выпей. — голос знакомого мальчика не был холоден, напротив, он излучал заботу и участие. И Сакура не могла понять, ложь это, нужная для того, чтобы после ударить сильнее, как иногда делал дедушка или настоящие эмоции.

Но ослушаться не решилась, ожидая за отказ получить очередной болезненный «урок», которым её все время одаривал брат Карии — Бьякуя, вызванный Зокеном и поставленный надзирателем над ней.

Сакура даже не осознавала, как хотела пить, пока живительная жидкость не полилась по пересохшему горлу и не охладила внутренности. И все время её нежно придерживал тот самый парень, которого она повстречала недавно.

— Ч-что произошло? — тихо и опасливо спросила Мато, впрочем, не сильно ожидая прямого или честного ответа.

— Ты упала в обморок с истощением, когда черви твоего деда потеряли его подпитку.
— сбросил на ее голову новость парень.

— Что? — прошептала Сакура, от шока не осознавая, что широко раскрыла глаза и слегка приподнялась на локтях. — Откуда ты… — она замолчала, а глаза ее расширились. — Так ты маг? — к сожалению для девочки, ее тело до их пор было ослабленно, что не могло помочь выразить всю бурю эмоций. Не часто ей на пути встречались другие маги.

— Да, — открыто улыбнулся Широ, мягко надавливая собеседнице на плечи и возвращая её в прежнее положение. — И мы помогли тебе, когда они начали вытягивать из тебя «все соки». Мы вытащили их.

— Как? — удивление девочки подскочило на новые высоты. Но зуда под кожей, преследующего ее с момента внедрения фамильяров Зокена, она больше не чувствовала. Так же, как и течение чужеродной энергии в теле, доставляющей ей больший дискомфорт, чем извивающиеся внутри сотни мерзких созданий.

Как они смогли это сделать? Почему она не умерла, как поведал однажды ей дед, решив рассказать, что именно хочет с ней сделать, пусть это явно была лишь малая часть будущих планов?

И почему черви вообще принялись вытягивать из нее самой всё что можно?

— А, ответ прост. — Сакура поняла, что задала последний вопрос вслух, от чего покраснела, засмущавшись собственной несдержанности. Широ при виде этого зрелища весело хохотнул, удовлетворившись таким сильным проявлением эмоций. Первым, если он правильно помнил.

«Видимо черви что-то делали с её мозгом, раз после их удаления эмоции выражаются так сильно» — подумал парень, после чего решил ответить на заданный Мато вопрос: — Когда мы зашли в поместье, то пересекли барьер, он-то и оборвал связь твоего деда с фамильярами, заставляя тех продолжать работать по заданному шаблону, пусть и в ущерб твоему здоровью.

Сам же парень сравнивал этих созданий с компьютерными программами, работающими даже без связи с интернетом и продолжающими выполнять свои функции, даже если это идет в ущерб системе. Ведь это их цель и причина существования. Бездумные исполнители, выполняющие работу без вопросов.

Сакура удивленно похлопала глазами, уставившись на почесавшего затылок парня. В ее голове не могла уложиться мысль, что Зокен мог потерять связь со своими творениями. Но… она не ощущала их в себе. Нет ни праны деда, ни зуда, ни боли. Все это исчезло, оставляя после себя лишь усталость после пробуждения и легкость, не дающую вернуть над телом полный контроль.

Впервые за годы юная Мато почувствовала то, о чем уже забыла — свободу. Сбросив оковы и поводок, она не могла себе представить, что мир мог сиять такими яркими красками. Эмоции, потерявшие ограничитель бурлили подобно кипящему океану. Сакура не смогла сдержаться, слезы потекли из ее глаз, подгоняемые всхлипами.

Она плакала. Плакала так же сильно, как тогда, когда впервые Зокен начал проводить над ней свои эксперименты, когда она еще ничего не понимая, покорно спустилась за ним в подвал и «окунулась» в извивающуюся яму.

Но сейчас, сейчас это были слезы радости и облегчения. Больше не было боли, не было прожигающего душу взгляда старика, не было его праны, испепеляющей цепи. Боль ушла и вместе с ней ушли и страх с отчаянием.

Кровать, на которой она лежала, промялась. Присевший рядом с ней Широ, нежно прижал Сакуру к себе, начиная аккуратно проводить руками по волосам, все сильнее прижимая к себе и даря такое нужное ей тепло. Рубашка парня пропитывалась слезами, но портили его настроение только всхлипы полные облегчения. Он не знал, через что она прошла, какие ужасы до сих пор терзали, и будут терзать ее разум, но слыша приглушенное рыдание, доносящееся от прижатой к груди Сакуры, его сердце начинало болеть.

Почему он это испытывал? Возможно, из-за снов и преследующих его ненавидящих и полных боли глазах мертвецов? Искал ли он искупления своих грехов, которые могли и не принадлежать ему?

Прикусив язык, Широ прижал свою щёку к макушке девочки, гладя той спину и молча излучая столько поддержки, сколько мог. Почему-то ему не хотелось разрывать объятья.

Неужели дефицит нежностей?

От пришедшей в голову абсурдной идеи он едва не вздрогнул от смеха, но силой воли сдержался.

— Сакура. — мягко оторвав от себя девочку, подождав для приличия еще немного, Широ глянул той в глаза. — Я не знаю, что с тобой делал Зокен, — от упоминания сторонним человеком имени её деда, Мато вздрогнула, но взгляда не увела, что можно было принять за чудо сломанной силы воли. — Не знаю, как тебе жилось в прошлом, пусть и могу предположить, что было несладко. Но… — он вздохнул, собираясь с силами. — Если ты действительно этого хочешь, то я прошу — останься с нами. Не возвращайся «домой», — выплюнул он последнее слово.

— Но он найдет меня… Найдет, а вас убьёт…

— Нет. Не сможет. — твердо припечатал рыжик, одним взглядом передавая собеседнице всю свою уверенность. — Мы не дадим ни тебя, ни себя в обиду. Он ничего не сможет нам противопоставить, ни с нашими силами и подготовкой. Этот дом — крепость. А живущие в нем не самые последние маги.

— Он очень силен! — с ужасом крикнула Сакура, пытаясь отпрянуть от Широ, но его крепкие руки все еще держали ее за плечи. — Ему сотни лет! Он знает о магии больше, чем современные маги! Он… он… — она начала задыхаться, в панике схватившись за свое горло.

— Он всего лишь цепляющийся за жизнь старик! — взял ее руки в свои Эмия, притянув к себе и приблизив свое лицо к её. — Пойми, я хочу спасти тебя от будущего. От боли и страданий, которые вновь вернуться, стоит тебе пересечь порог этого особняка. Все мы можем помочь тебе этого избежать, но… Но тебе нужно дать ответ: хочешь ли ты остаться у нас? Со мной? Со всеми нами? В безопасности, вдали от мрачного завтра.

Его дыхание обжигало её пальцы, глаза не смели моргать, утопая в янтаре и золоте. Ей очень этого хотелось. Настолько сильно, насколько это было в принципе возможно. Но она не могла. Не могла навлечь на тех, кто ей помог перестать ощущать боль хотя бы один день, гнев деда. Она не хотела смерти своим благодетелям. Не после того, что они для нее сделали. Что сделал он — парень, сидящий перед ней и с мольбой в глазах просящий остаться с ними. Широ сделал куда больше, чем Кария, ведь именно он помог ей выплыть из болота отчаяния и взглянуть на солнце. Хотя бы на короткое время.

— Я… я не могу… — слезы вновь потекли по ее щекам, а губы задрожали. Широ опять

притянул её к себе, сжав в объятьях и начиная успокаивающе поглаживать. — Я не хочу, чтобы с вами что-то произошло… Он… Он очень силен… Широ… — она подняла голову, взглянув ему в глаза. — Я не хочу, чтобы с тобой что-то произошло. Ты даже не представляешь насколько… Ты… ты… А он… — она снова заплакала, так и не закончив мысль.

— Тише, тише. — прошептал Эмия. — Мы тоже не пальцем деланы. — он усмехнулся. — Сакура, ты не должна беспокоиться, просто знай, что никто из нас не даст тебя в обиду. Никто не пострадает, защищая тебя.

— Н-но…

— Это наш выбор. — перебил ее парень, покачав головой. — Мы хотим этого, хотим помочь тебе. Просто останься с нами.

Сакура не знала что ответить. Впервые со времен Карии о ней кто-то заботился. Кто-то хотя бы выразил желание это сделать. Она не знала, что делать и как быть. С одной стороны она не желала, чтобы Широ и его семье угрожал Зокен, но с другой, что-то внутри нее шептало согласиться. Просило обрести то, что она потеряла, будучи переданной в качестве «дара» семье Мато.

Обрести семью.

Две крайности её разума сражались друг с другом в господстве над мыслями и чувствами.

Но, в конце концов, победа одной из сторон была неминуема.

— Я согласна. — прошептала она слишком тихо, будто опасаясь, что её положительный ответ может вынудить Широ изменить свое решение.

Но, как оказалось, волновалась она зря. Парень широко улыбнулся и прижал её к себе, вставая на ноги и кружа, слыша в ответ писк не ожидавшей такого девочки.

***

— Ну как? — оторвал взгляд от письма Кирицугу, испытывающе глядя на сына.

— Поговорил, — отозвался Широ. — Сакура решила остаться с нами, и мне удалось отговорить её от необдуманных поступков. Сейчас она спит. — немного рвано ответил он.

— Я рад, что тебе удалось её уговорить. — кивнул убийца. — Думаю, если у девочки не выработалась неприязнь к магии, то Токо может обучить и её кое-чему полезному, пока занята тобой.

— Это необходимо? — неуверенно спросил парень, пытаясь удержать разочарование в себе, смешанное с некоторой гордостью, ведь ему удалось буквально переманить наследницу клана магов на свою сторону. — Ну, — увидев вопросительный взгляд, он решил пояснить. — Мне бы не хотелось её заставлять и еще сильнее вредить психике.

— Расслабься. — отмахнулся Кирицугу. — Она будет полезна не только как маг, но и просто… — он запнулся, понимая, что его сын все еще ребёнок и доподлинно неизвестно, знал ли он об отношениях мужчин и женщин, находящихся в иной плоскости. «Сны» могли поведать ему об этом, но это не точно. — Как помощник по домашним делам. — наконец выдал он, понимая, что рано или поздно его сын поймет что еще можно делать с девочками. И если все пройдет

хорошо, то сильная магически Сакура могла подарить Широ могучих детей. Плохо это или хорошо.

— Ладно? — наклонил в немом вопросе голову вбок рыжик, удивленно взирая на замявшегося отца. — В любом случае она останется с нами, а это значит, что нужно решить вопросы с сам знаешь кем.

— Кстати об этом. — потряс письмом маг. — Это официальное обращение Мато Зокена к Кирицугу Эмии, в котором он настаивает на скорой встрече по известному нам обоим вопросу.

— И кто его доставил? — нахмурился Широ.

— Бьякуя. Старший брат Карии, бывшего на прошлой войне мастером Берсеркера, а так же потомок Зокена. — ухмыльнулся маг.

— Вот так взял и пронес? — недоверчиво скорчил гримасу рыжик.

— Да, — еще шире улыбнулся Кирицугу. — Работа посыльного явно подходит этому… — «ублюдку» застряло в горле. — червю. Сразу показывает его статус в семье. Зокен не хотел смерти своим более ценным, чем потомок, фамильярам.

— И не боялся, что ты его убьёшь?

— Этот истеричный идиот — не больше, чем расходный материал с мизерным потенциалом. Он самый слабый маг, которого я видел за последние десять лет. — пожал плечами убийца.

— Ладно, черт с ним. Что ты будешь делать? — нахмурился Широ.

— Это мы обсудим, как только Токо вернется из мастерской и проведёт последнее, более глубокие обследования Сакуры. — парень был рад, что его не отбросили в строну от «разборок взрослых», все же он был инициатором проблем и хотел помочь их исправить. — Но ты при любом раскладе не пойдешь с нами.

— Что?..

http://tl.rulate.ru/book/64397/1691229